Ну что ж, начнем историю.

Эра Сева.

Страна восходящего солнца Ямато.

Наступил рассвет в новом Токио…

Великое землетрясение Канто, произошедшее в конце периода Тайсе, нанесло большой ущерб имперской столице Токио.

Мало того, что из-за сильных толчков рухнули здания, так последовавший за этим сильный пожар нанес еще больший ущерб.

Число погибших и пропавших без вести превысило 100 000 человек. Токио был пустым.

Из-за сложившихся обстоятельств был сформирован новый кабинет министров и создан Институт реконструкции столицы Империи.

В плане реконструкции, разработанном министром внутренних дел в то время, были приняты новейшие градостроительные решения по типу Европы и США. По мере развития строительства современных городов увеличилось количество сейсмостойких и огнестойких кирпичных и каменных зданий, а дороги, проходящие через Токио на восток, запад, юг и север, также были улучшены из-за надвигающейся автомобильной эры.

Улицы, сохранившие в себе дух Эдо, были частично разрушены и заменены банками западного образца, универмагами и упорядоченными дорогами с автобусами. Современная урбанизация прогрессировала.

Император Тайсе (1912-1926 гг.) скончался в самый разгар продолжающейся реконструкции, и его место занял молодой наследный принц.

Название новой эры было изменено на «Сева» (1926-1989), и приложено больше усилий для восстановления имперской столицы.

Затем, весной пятого года правления Сева, через шесть с половиной лет после великого землетрясения.

Когда большая часть реставрационных работ была завершена, с размахом, в течение всей недели, проходил Фестиваль реставрации имперской столицы.

Благодаря цивилизации и просвещению эпохи Мэйдзи (1867-1912) и модернизации эпохи Тайсе Токио стал современным городом, как по названию, так и по внешнему виду.

□□□

— Просыпайся, Сензаки!!

Вместе с громким голосом было сорвано и теплое одеяло, которое неприятно прилегало к коже.

Масато Сензаки, сон которого потревожили ранним утром, сопротивлялся, зарывшись лицом в кимоно, использовав вместо одеяла, но через несколько секунд отобрали и его.

Утренний яркий свет падал на лицо юноши, из-за чего он не мог в полной мере открыть свои глаза.

— …Доброе утро, Ичия.

Поприветствовав собеседника тихим, сонным голосом в противоположность тому резкому и громкому, он почесал свои растрепанные каштановые волосы и встал.

Холодный утренний воздух проникал сквозь приоткрытую грудь изношенной юкаты, и он запахнул воротник, подергивая плечами от холода.

Мужчина поднял глаза и из-под отросшей челки увидел, что его друг Такамаса Ичитани стоит с недавно отобранным у него кимоно в руках.

Вид того, как он смотрит на друга со своим ростом шесть футов, придавал мощности, как и подобало его профессии полицейского. Коротко стриженные волосы, ухоженные брови, и хотя глаза не такие уж красивые, но выглядел он как сильный и мужественный юноша.

Однако, несмотря на свое суровое лицо в душе он был добряком и всегда в тайне обижался, когда ребенок от страха убегал от него или начинал плакать.

Масато, знавший его со школьной скамьи, привык к такому пристальному взгляду, так что просто беззаботно зевнул.

— Ну, правда…Из-за своей жестокости ты никогда не понравишься девушкам. Нужно быть добрее.

— Хм, это не значит, что я должен быть мил с мужчиной.

— То, что делаешь каждый день, может войти в привычку, и ты так будешь обращаться с женским полом. Тебе нужно хорошо показать себя перед женщиной. Точно, думай обо мне, как о противоположном поле.

— Ты думаешь, что я смогу думать о мужчине, который в два раза больше, как о женщине! Не говори ерунды, быстро одевайся.

— Не говори так.

Масато почесал белую щеку и улыбнулся.

В отличие от Ичитани, аккуратно одетого в светло-серый костюм, у него не было планов сегодня куда-то идти, хоть и приоделся.

Нет, не только сегодня, но и завтра, а также послезавтра. У Масато вообще нет никаких планов.

Поскольку у него нет работы, то он не просыпается рано утром.

Прошлой ночью его наняли официантом в кафе Нингечо по просьбе одной знакомой. Отработав там некоторое время, парня выгнали со словами: «Пожалуйста, больше не приходи».

Ну, после такого знакомые ему люди давали на карманные расходы, так что если тратить их только на еду, то вполне можно продержаться три дня. Масато не придется работать какое-то время.

Ичитани глубоко вздохнул, сидя, скрестив ноги.

— …Как долго ты собираешься продолжать так жить?

— Ну, послезавтра я куда-нибудь подамся.

— Ты же знаешь, что твои слова расходятся с действиями?

В голосе Ичитани было что-то горькое.

Конечно, Масато понял, что ему пытались сказать, но он не собирался этого принимать. Поэтому на его губах появилась смутная улыбка.

Ичитани должно быть все понял по поводу Масато.

Некоторое время он хмурил брови и сидел с закрытым ртом, но вскоре заговорил тихим голосом.

— Я планировал официально переехать в правительственный дом…

— Да, я почти уверен, что дом загорелся еще до того, как ты собирался туда войти, верно?

После этого дом правительства был благополучно перестроен, но поскольку это была новостройка в западном стиле, многие жители хлынули туда, и Ичитани, которому просто не хватило места, остался в своем прежнем жилье.

— На днях мне сообщили, что одна комната освободилась.

— О, это хорошо.

— …Я покину этот пансионат в следующем месяце.

— Понятно.

Масато кивнул, не особо удивившись.

Этот пансионат, построенный примерно вначале периода Мэйдзи, находился рядом с университетом и средней школой, и Ичитани жил здесь с тех пор, как был студентом.

Многие студенты до сих пор живут в этом старом здании в японском стиле, которое шесть лет назад выдержало сильное землетрясение и последующий пожар.

Для Масато, который остался без гроша в кармане и без работы после окончания университета, было огромным счастьем переехать в дом, где жил Ичитани, и он был ему ужасно благодарен за то, что позволил остаться.

Двум взрослым мужчинам с ростом около шести фунтов было немного тесновато спать и просыпаться в комнате площадью четыре с половиной татами (примерно 7,4 кв.м.), но Ичитани не выгнал его, хоть и жаловался.

Вообще, Масато думал, что его другу было удобно оставаться здесь, а не потому, что за два года не было ни одной свободной комнаты в новостройке. Должно быть, он оставался в тесной старой комнате ради друга, которому некуда было пойти.

Но, наконец…Все прекратилось.

Масато принял это, как должное. Ичитани нахмурил брови и неловко отвел взгляд.

Масато заметил его извиняющееся выражение лица и криво улыбнулся, отметив в своем сердце, что его друг остался все таким же добрым, как и раньше. Что ж, тот, кто воспользовался расположением такого простодушного человека, был ни кто иной, как он.

Масато протянул руку и взял с кровати карманные часы, открыл крышку и показал циферблат.

— Есть кое-что важное, Ичия. Если ты сейчас не выйдешь, то опоздаешь.

Посмотрев на время, указанное стрелками часов, Ичитани широко раскрыл глаза. Он поспешил схватить шляпу и сумку, лежавшую на столе.

Ичитани собирался покинуть комнату, уходя под звуки старого татами, но обернулся перед раздвижной дверью и крикнул.

— Подготовься и найди работу! У тебя есть время до конца месяца!

— Да-да, я понял.

Когда он намеренно дважды ответил, Ичитани отвернулся и ушел с горько-сладким выражением лица.

http://tl.rulate.ru/book/83529/2675527